

An abstract painting featuring two faces. The upper face is rendered in shades of blue, yellow, and white, with closed eyes. The lower face is more textured, in shades of yellow and white. The background is a mix of dark blue, brown, and white, with some musical notes and abstract shapes. The overall style is expressive and textured.

ВИКТОР КАГАН

**МУЗЫ
ПРИПАРНАСЬЯ**

Виктор Каган

Музы Припарнасья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26534987

ISBN 9785448577529

Аннотация

«...у Виктора Кагана, этого зверя стихов, есть... уникальная черта: спрятавшись за десяток ассоциаций, цитат, реминисценций, аллюзий и иллюзий, кивков и экивоков – вдруг вовсе без маски выпрыгнуть навстречу читателю и тоненькой шпагой поразить его в самое сердце... если к кому-то он действительно беспощаден, то прежде всего к самому себе, а это качество в современном литературном контексте, к сожалению, весьма и весьма редкое...» Евгений Клюев

Содержание

Зверь стихов	7
бартошки	11
Эдуард Асадов	11
Белла Ахмадулина	13
Анна Ахматова	15
Эдуард Багрицкий	16
Константин Бальмонт	18
Александр Блок	19
Александр Вертинский	20
Евгений Винокуров	21
Владимир Высоцкий	22
Николай Гумилев	24
Евгений Евтушенко	25
Михаил Исаковский	26
Семён Кирсанов	27
Игорь Кобзев	28
Александр Кушнер	29
Василий Лебедев-Кумач	30
Осип Мандельштам	31
Леонид Мартынов	33
Булат Окуджава	34
Борис Пастернак	35
Омар Хайям	36

Марина Цветаева	37
Степан Щипачёв	38
ваше благопародие господин поэт	39
Татьяна Александрова	39
Белла Ахмадулина	40
Олег Арх	42
Павел Байков	43
Олег Бузинский	44
Владимир Белкин	46
Марина Бородицкая	47
Вячеслав Боярский	48
Ольга Бурова	50
Илана Вайсман	52
Борис Викторов	53
Елена Виноградова	54
Александр Габриэль	56
Ираида Вовненко	59
Татьяна Герасимова	60
Марианна Гейде	61
Сергей Гор	63
Павел Гольдин	65
А. Грабовский	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Музы Припарнасыя

Виктор Каган

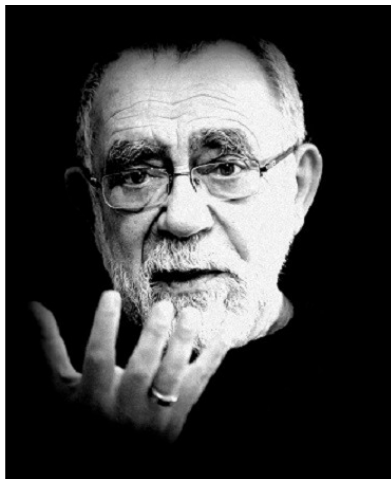
Иллюстратор Lore Schlee

© Виктор Каган, 2018

© Lore Schlee, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4485-7752-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виктор Каган

Там на Парнасе музы, боги и вдохновения дары. А мы присядем у дороги отдаться баловству игры словами то всерьёз, то в шутку, то с умыслом, то просто так. Вернёмся в детство на минутку и встанет на ребро пятак. И посмеёмся друг над другом и над собой – не всё ж стонать. И бог нас не поставит в угол, а к нам подсядет поиграть.

Эта книга – маленькое собрание малых поэтических форм – подражания, пародии, шаржи, частушки, поэхи, считалки, бляшки – для склонных улыбаться другим, подтрунивать над реальностью, посмеиваться над собой и, позволяя себе где смех сквозь слёзы, где слёзы сквозь смех, не отягощать жизнь, как говорил Н. А. Тимофеев-Ресовский, звериной серьёзностью.

Зверь стихов

Кажется (не знаю, не пробовал), пародии пишут, чтобы было смешно. Так мне и было – раньше, когда я читал пародии Виктора Кагана, в те времена ещё не объединенные в эту книгу, и потом про себя повторял то «*Стихи – это вам не пахать и рожать*», то «*Стою я с междометьем на лице*», то «*Ну зачем вы со мной так по-свински*»... Над некоторыми из пародий, признаюсь, хохотал в голос – правда, смущаясь, потому что иногда находил их весьма беспощадными... – и тем не менее не будучи в силах устоять перед точностью-вежливостью-королей.

На сей же раз, получив книгу и пробежав глазами те из пародий, которые помнил, я на много дней вдруг застрял в цикле с обещавшим много-много радостей названием «Из жизни поэтов и Л. Н. Толстого» – сначала приготовившись смеяться, да тут же и забыв о своём намерении. Это были стихи, пародирующие стихи. Пародирующие стихотворство как занятие. Пародирующие поэзию как возможность самовыражения посредством поэзии, когда «*ангел леший зовет к столу творить стихов*» того, чьё преклонение перед искусством слова окончательно беззаветно и кто не только не стыдится собственного косноязычия, но и ничего не знает о нём. Несчастливого Бальзамина, который забыл, что он Бальзаминов.

Это очень сложная игра. Играть в косноязычие пытались и пытаются многие, однако мало чьё косноязычие выглядит естественным: очень уж трудно тут не заиграться. Косноязычие авторского альтер эго в этой книге – подлинно: оно не отрефлексированное косноязычие напоказ, но как бы сама мучительная невозможность воспользоваться изжившим себя поэтическим языком при создании нового текста. Перед нами пример своего рода самоубийства в процессе высказывания, или, как называют это в лингвистике, иллокутивного самоубийства – беспощадного и тем более трагического, что совершается оно на границе между литературой и реальностью... чужой литературой и собственной реальностью: *«Он вдохновенной головою качнёт звездой во лбу светя и то как зверь стихов завоюет то их заплачет как дитя»*.

Вообще говоря, у Виктора Кагана, этого зверя стихов, есть, во всяком случае, одна уникальная черта: спрятавшись за десяток ассоциаций, цитат, реминисценций, аллюзий и иллюзий, кивков и эквивоков – вдруг вовсе без маски выпрыгнуть навстречу читателю и тоненькой шпагой поразить его в самое сердце. Вот хоть и в невинном таком (по-моему, уникальном для поэзии) жанре считалочек, от которого никак не ожидаешь полёта в экзистенциальную бездну... в которую однако проваливаешься – и, что самое странное, вовсе не спешишь её покидать: *«девка тётянька карга мальчик девочке слуга раз два три четыре пять вот и время помирать»*.

Так что... не знаю, для чего пишут пародии, но к концу книги уже не только не смешно, но и просто отчаянно – не спасают даже развесёлые «бляшки». Может быть, потому, что, если к кому-то Виктор Каган действительно беспощаден, то прежде всего к самому себе, а это качество в современном литературном контексте, к сожалению, весьма и весьма редкое... «исчезающе редкое», как говорят в Дании.

Евгений Клюев,

Копенгаген

бартошки

Эдуард Асадов

Когда ты уронишь вдруг мишку из плюша —
всякое может быть —
советчиков всяких недобрых не слушай,
что скажут, мол, лучше забыть.

Ты вспомни, как верен он был вашей дружбе
и в дождь, и в снег, и в жару,
как мало ему от тебя было нужно,
и он повторял: «За тебя я умру!»

Сурово и горько скажи себе: «Надо!
Мой друг пропадает в беде.
И чтоб от сограждан не прятать взгляда,
я должен с ним быть везде».

Оторванной лапой тебя призывает
и верит – поможешь, спасёшь.
Он любит тебя и поэтому знает,
что другу на помощь придёшь.

И пусть насмехаются злые невежды,

игрушки свои не любя,
я верю, что ты оправдаешь надежды,
ведь смотрит страна на тебя.

Белла Ахмадулина

Не Ванга, но провидчески слепа
я так была божественно глупа,
на цыпочках взлетая в сны о детстве,
что не заметила, как не во сне, а вьяве,
к судьбе припала, как Сократ к отраве,
о том не ведая в опаснейшем соседстве

с летящими предметами. И вот
они вершат таинственный полёт
и среди них, как с крыши камнем, книжка,
в которой кто-то мишку уронил,
задумавшись иль просто был дебил,
но вот уже без лапы бедный мишка.

Ясней, чем наяву, себе я снюсь.
Я одиночества пронзительно боюсь.
Упал и подозрительно затих
товарищ мой. А я в тоске и страхе
рыдаю о несчастном замарахе —
ведь я люблю товарищей своих.

И чтоб моя не дрогнула рука,
армянского приму я коньяка,
спущусь под стол, где круг девятый ада,
спасу его, пришью ему конечность,

и наша дружба будет длиться вечность.
Хороший мишка. Мне других не надо.

Анна Ахматова

И девочка, что мишку уронила,
и мальчик, что поднять его не смог,
и их любви таинственная сила,
и с приворотным зельем пузырьёк...

Я помню всё. Оторванная лапка
и в пуговицах глаз стоит слеза.
Не находя потерянного тапка,
на тёмные крещусь я образа.

Не надо мне ни почестей, ни славы.
О, был бы мишка – друг заветный мой.
Но херувим шепнул в ночи лукаво,
что никогда не будет он со мной.

Эдуард Багрицкий

Весна зеленеет
лягушкой икрою,
как платье природы
игрою покрою,
и майской грозы
попыхает шутиха.
Но тут приключается
страшное лихо.
Мой мишка с кровати
летит, как с откоса
несчастливая Анна
летит под колёса,
и падает смаху —
до смеха ли? — на пол,
теряя в полёте
переднюю лапу.
Такому кошмару
во сне не присниться.
Мне мишку спасти
непрерывно хочется.
Лежит под кроватью,
бедняга, страдает
и лапу другою
к себе прижимает.
Слезая с кровати,

от страха шалея,
поскольку я мишку
ужасно жалею.
То в холод бросает,
то бешено жарко.
Я мишку спасу,
как в бою санитарка.
Его никогда
ни за что я не брошу.
Играть с ним хочется.
Он очень хороший.

Константин Бальмонт

Я разлучён с тобою, мишка,
мне без тебя Париж не мил,
стихов моих пожухла книжка
и жалко хохлится афишка,
свалялся бант, в слезах манишка.
Кто тебя на пол уронил!?

Твоя оторванная лапка,
как девья золотая прядь,
но скрылась за туманом шляпка,
без ножки стынет в спальне тапка,
цветов ненужная охапка
осталась в вазе умирать.

Взяла тебя судьба-злодейка,
любовь отъята навсегда.
Мне без тебя вся жизнь копейка,
мне помнится твоя шубейка,
с тобой я пел, как канарейка,
да не припомню уж – когда.

Александр Блок

Кушетка, шкаф, комод, два стула,
на письменном столе пенал.
Где мишка? Будто ветром сдуло —
упал, свалился, запропал.
А смерть захлопнет жизни книжку,
увидите – поэт был прав:
опять роняет кто-то мишку...
комод... кушетка... старый шкаф.

Александр Вертинский

Это всё, что от мишки осталось —
шерсти клоч и лапа в руке.
Уронили – какая жалость
серебром холодит в виске
Одиноко и так печально
он лежит щекой на ковре,
так естественно и натурально,
словно шёлк на вашем бедре
Я куплю себе туфли к панаме,
лягу с мишкой грустить визави.
Вы сказали, не будет меж нами
ослепительно нежной любви.

Евгений Винокуров

Моя любимая хранила
меня от бытовых забот,
но мишку на пол уронила,
он завалился за комод.

Она и так, и сяк, и эдак,
но не достать его никак.
Комод тяжёл. Позвать соседок?
Ведь засмеют – какой пустяк!

Моя любимая не знала,
что делать? Шваброй зацепить?
Но только лапу оторвала
и не к чему её пришить.

Со лба стирала пот солёный
и снова пробовала, но
не получалось. Я, влюблённый
в неё, следил за ней давно.

В царапинах родные руки,
в глазах печаль, морщинок сеть,
в груди клокочущие звуки...
Ну как такое не воспеть!

Владимир Высоцкий

Свалился мишка за диван —
не затолкали, не уронили,
свалился сам, хоть был не пьян,
а что мы пили? Ну что мы пили?

Ну пригубили по семьсот,
а тут гляди какой компот!
Сидели мирно и привет,
и мишки нет, и мишки нет.

А кто-то пробурчит, что, мол,
нашёл местечко, нашёл местечко,
свалился лучше бы на пол
или на кресло, или на печку.

Спрошу его, о чём базар,
а что – остался Солнцедар?
Мы сами знаем, что почём.
А вы при чём, а вы при чём?

Ему б глоток – медикамент,
так, для поправки, так, для нахрапу.
Пусть что угодно, хоть абсент.
Но мишке-то пришейте лапу.
Он всех кого куда послал,

всем козью морду показал.
Он лапой сделал всем привет —
ну той, что есть, не той, что нет.

Я б к трём вокзалам мигом, враз —
чего филонить по-философски? —
И мишке точно б лапу спас,
как Склифосовский, как Склифосовский.

Он кореш мне, он мой братан.
А, может, к мишке за диван,
чем здесь несолоно хлебать,
и там лежать, и там лежать?

Николай Гумилев

Мишку на пол уронили, лапа мишкина больна,
чёрный лебедь, ворон белый, выпил литра два вина,
но вино не заглушало плача сердца моего:
«Мир лишь луч от лика мишки, всё иное тень его!».

Я в отчаяньи смотался в близлежащий гастроном
и до ночи утешался окровавленным вином,
но вино не утешало, и рыдало естество:
«Мир лишь луч от лика мишки, всё иное тень его!».

Обошёл я всю квартиру, надо ж мишку отыскать,
заглянул под шкаф, за фикус, в чемодан и под кровать —
соловей без батарейки, пыль и больше ничего.
Мир лишь луч от лика мишки, всё иное тень его!

Всё равно его найду я. Но уж больно ночь темна
и пока светлей не станет, я ещё приму вина.
Пьяный дервиш мне приснится: «Никакого qui pro quo!
Мир лишь луч от лика мишки, всё иное тень его!»

Евгений Евтушенко

А мишка за диван завалится
и будет там лежать в тиши
пока в мозгу моём заладятся
о мишке грустные стихи.

Оторванная лапа стружкой
сочится на пол из плеча,
а он беспомощною тушкой
лежит и надо звать врача.

Но мне покажется, покажется,
что можно малость подождать
и всё само собой уляжется
пока я буду сочинять.

Слова потянутся, потянутся
целебным чудом из грехов
и раны мишкины затянутся
под пластырем моих стихов.

Поэзия не терпит бантиков.
Ищу я высшей простоты.
Мне мишка улыбнётся с фантика
и скажет: «Женя, гений ты!»

Михаил Исаковский

Как мы с мишкой дружили,
просто не разлей вода.
Мишку на пол уронили.
С мишкой страшная беда.

Отделённая от тела
лапа мишкина лежит
и, как звёздочка, несмело
на щеке слеза дрожит.

Мишка спал со мной в постели,
он хороший, он – как я.
Без него осиротели
я и вся моя семья.

С кем теперь делить мне ужин?
С кем теперь я стану спать?
Он мне очень-очень нужен.
Надо что-то предпринять.

Семён Кирсанов

О душе пора – не о хлебе.
Забываем о самом главном.
Не хочу журавля в небе,
а синицу в руках – давно.

Я хочу своего мишку,
что валяется где-то без лапы.
Напишу я о нём книжку,
получу за неё – и в Анапу.

Игорь Кобзев

Нет, не тот настоящий мужчина,
кто в хмельном и дурном кураже,
потрясаючи местом причинным,
прётся в дверь, где написано «Ж».

Видишь, мишку враги уронили,
покусившись на родину-мать?
Коль мужчина ты, должен быть в силе,
всех обиженных мишек спасать,

пришивать им и руки, и ноги,
возвращать, как положено, в строй.
Мишки ждут твоей верной подмоги.
Ты ж мужчина, спаситель, герой!

Чем в подъезде, того, целоваться
и дуреть от заморских идей,
должен ты на спасенье бросаться
всех упавших на пол медведёй.

Хоть по отчеству ты не Никитич,
будь Добрыней и Муромцем будь,
чтоб враги, а их тысячи тысяч,
нас с пути не сумели свернуть.

Александр Кушнер

Свалился мишка. Боже мой!
Несчастье кто предугадает?
Я не могу идти домой,
где он без лапы так страдает.

В слезах я мокну под дождём,
со мной рыдает вместе осень.
Любовь, как чемодан – что в нём?
И ручки нет, и жалко бросить.

Какое счастье так любить,
чтобы от горя задыхаться,
с ума по лесенке сходить
к Неве и там навек остаться.

Какая мука жить без мук,
какая благодать несчастье,
когда страдает милый друг
и ты страдаешь с ним отчасти.

Кто нам наврал, что рай земной
ничуть не отличим от ада?
Придти домой и, боже мой,
поднять его – не плачь, не надо.

Василий Лебедев-Кумач

Жил он, жил себе, забот не зная,
мягким плюшем согревал меня.
и была ему, как мать родная,
родина и вся моя родня.

Но однажды он свалился на пол
и лежал, как раненый солдат,
с правою оторванною лапой,
помутив от боли чистый взгляд.

Вы бы знали, как боюсь я крови!
Но друзей негоже предавать.
И сурово я насупил брови
и пошёл я мишке помогать.

На себе я мишку с поля боя
вынес, говоря ему: «Не плачь!
Нам сияет небо голубое
и поёт нам Лебедев-Кумач».

Осип Мандельштам

Обрoненный мой мишка,
мне без него не жить.
Тут вот такая фишка —
ведь нового не сшить.
А и сошьёшь, обнова —
Федот, да всё не тот.
Не та совсем основа,
не тот совсем компот.

Оторванная лапа,
опилки на полу,
испуганная лампа,
застывшая в углу.
Мне так без мишки страшно,
что и не описать.
От страха бесшабашно
иду его спасать.

Цыганка нагадает
удачу по пути,
а он ещё не знает,
что мне его спасти,
к нему щекой прижаться,
касанием не спугнуть,
в глаза взглянуть, как в святцы,

и вместе с ним уснуть.

Леонид Мартынов

А ты?

Когда медведь свалился,
когда без лапы очутился,
когда валялся на полу
в тоской затянутом углу,
к его прислушиваясь плачу,
когда от горя меркнет свет,
скажи,

ты будешь на удачу

надеяться

или

в ответ

ты круто развернёшь сюжет
и для медведя лазарет,
наложишь парочку лонгет,
чтоб жил с тобой он много лет?!

Булат Окуджава

Я с мишкой много лет дружил,
хоть он не нов, не в этом дело.
Пусть его шёрстка поредела,
но он попрежнему мне мил.

Как был прекрасен наш союз.
Ты мишку на пол уронила.
Я думал, просто пошутила.
Как бы не так. И я боюсь.

Мне говорят, мол, не беда,
вот мы его уже врачуем,
заштопаем, перелицуем...
Ах, не волнуйтесь, господа.

Я лапу мишке сам пришью.
А ты меня ревнуешь к зверю,
как будто снова я поверю,
чудачка ты, в любовь твою.

Борис Пастернак

Чернила вышли в феврале.
Я тихо плакал.
Пурга мела по всей земле.
И мишка – на пол.

Свеча горела. Воск стекал,
слезами капал.
А мишка под столом искал —
ах, где же лапа?

Сплетенье душ, скрещенье лап —
как было славно!
Где Айболит, где Эскулап
и Склиф подавно?

Я мишку подниму: «Ну что?
Что, милый мишка?».
Закутаю в кашне, в пальто
и вставлю в книжку.

Пусть бьётся в форточку пурга,
метёт порошей.
Мне с мишкой дружба дорога.
Ведь он хороший.

Омар Хайям

Пусть у тех, чей медведь, будто грязь, на полу
и с оторванной лапой в далёком углу,
не к Аллаху душа устремится посмертно,
а рассыплется в прах, превратится в золу.

Марина Цветаева

О, прелесть плюшевого мишки,
как бог, хранящего мой сон.
Любви прекрасные излишки —
мне в унисон.
Как дьявольски всё это было
и что влекло,
когда я мишку уронила
себе назло?
Лежит с оторванною лапой.
а я — палач.
И хоть слезами мир закапай,
но, плачь, не плачь
а ход вещей не повернётся
наоборот.
Уже, как тать, к нему крадётся
сибирский кот
В последний миг — откуда сила? —
хватить и в кровать.
Побеждена иль победила?
Да наплевать!

Степан Щипачёв

Любовью к мишке дорожите,
вдвойне учитесь дорожить,
и на руках его держите,
чтобы на пол не уронить.
Любить – не спать в одной постели,
в четыре дырочки сопеть,
а жить, чтоб на любимом теле
любимом лапам уцелеть.

ваше благопародие господин поэт

Татьяна Александрова

*Я готова себя – до минуты
Всю отдать, до мгновения – Вам.*

*Подарить! Вы не стали бы вором
Ведь де-факто была я одна,*

*Но стоит между нами «де-юре»...
Неприступной холодной стеной.*

Я б любила вас так-то и так-то,
этак тоже и наоборот,
не сбиваясь с прекрасного такта
на занудливый автопилот,
без оглядки и пауз, антракта,
перепутав закат и восход...
Но стоит между нами *де-факто*,
как *де-юре* закрытых ворот.

Белла Ахмадулина

*Претерпевая медленную юность
впадаю я то в дерзость, то в угрюмость,
пишу стихи, мне говорят: порви!
«А вы так просто говорите слово
вас любит ямб, и жизнь к вам благосклонна», —
так написал мне мальчик из Перми.*

Мне претерпеть дано такие страсти,
что перед ними меркнут все напасти,
богами посылаемые вниз
на неразумных чад и их потомков,
блуждающих в рифмованных потёмках,
как под чадрую губ нагих стриптиз.

И юность пыткой бесконечной длится,
язык щекочет слово, как ресница,
а напишу, «Порви, – кричат, – к чертям!».
Послать бы всех. К чему мне эти песни?
Но не поймут и не пойдут, хоть тресни.
Однако, существует где-то там —

я не припомню, это Пермь иль Нальчик —
какая разница? – влюблённый нежно мальчик,
меня ревнуя к ямбу, словно мавр.
Он мне письмо прислал. В нём говорилось,

что Музой мне подаренная милость —
небесный звон божественных литавр.
В письме сквозит такая непорочность...
Но, боже мой, откуда эта точность
и пониманья умудрённый дар
у мальчика?! Я снова оживаю,
летит перо и я плевать желаю
на критиков, на смерть, на гонорар.

Олег Арх

*Сто тысяч стопарей тому назад
Я встретил Музу в местном кабаке.
На ней кокошник был, цветной халат
И туфли на высоком каблукке.*

*Я угостил плутовку коньяком,
И в голову пришёл мой первый стих.
От радости я писал кипятком, —
Я сроду не писал стихов таких!*

Цветной халат, кокошник и боа.
На шпильках туфли. Между пальцев «Кент».
Так Муза появилась с неба, а
к ней тут же устремился пьяный мент.

Я подмигнул ей. И, представьте, вдруг
мент отвалил, в кабак спустилась тишь.
Она – ко мне: «Ну что, мой милый друг?
Ты всё еще с поэзией шалишь?»

Гуляли и любились до утра,
до третьих ошалевших петухов.
Она шептала мне: «Писать пора!»
И я написал два ведра стихов.

Павел Байков

*Она в меня подумала
Что станет мне женой.
И грянули под куполом
Оркестры в мир иной.*

*А я сидел и вздрагивал
На каждом бугорке.*

Шизофрения дунула?
Кошмаром лезут глюки?
Она в меня засунула
невымытые руки.

Перебирала клапаны
с оттяжкой, с переборчиком.
А я лежал заплаканный,
подрагивая копчиком.

Потом она подумала
в меня, как полагается.
Потом зачем-то плюнула.
И вот стихи рождаются.

Олег Бузинский

*Стихи – это очень мужская работа,
Немногим из женщин она по плечу.
Отдельным параграфом нашего КЗОТа
Поэты, я вынести это хочу!*

Так ясно, что и объяснять неохота —
что дурочкам мысли простые жевать?
Стихи это очень мужская работа.
Стихи это вам не пахать и рожать.

Стихи это вам не в горящую хату
и тройку коней на скаку удержать.
Про волос и ум – эта мудрость крылата.
Здесь надо немножечко соображать.

И вот я в поту не в седьмом уже – в сотом,
покуда ты в праздности моешь полы,
Рифмую – я гений! – *работа и КЗОТа*
(а ты не забудь – в паутине углы!).

Я женщин люблю, вот и оберегаю
(а как их от тяжестей не оберегать?),
и оберегая, я так полагаю,
что надобно им запретить сочинять.

А то, понимаешь, такая бодяга,
что как-то неловко, ну, не комильфо —
потеешь ночами, изводишь бумагу,
а в гениях Анна, Марина, Сафо...

Владимир Белкин

*Призывным зовом горна
Я брошен в пекло дня.
Я жизнь беру за горло
А жизнь – меня!*

Не языком Эзопа,
а прямоту храня,
держу я жизнь за ж...,
а жизнь – меня!

У нас стальные руки —
врагу их не разжать!
И знамя наше – звуки,
труд, честь и вашу мать.

И всё бы хорошо бы,
простил бы бог грехи,
когда бы я ещё бы
не сочинял стихи.

Марина Бородицкая

*А пока небесные глаголы
Слуха не коснутся наконец,
Ты сидишь в витрине полуголый —
В точности египетский писец.*

Он сидел в витрине полуголый
и в одной руке держал стило,
а другой перебирал глаголы,
и ногой постукивал в стекло.

Музы над челом его витали
и струились рифмы по лицу.
Творческий процесс – не трали-вали,
но тихонько двигался к концу.

Вот сейчас великая поэма
наконец достанет до сердец.
Все застыли в ожиданье него...
Только мальчик в тишине: «Писец!»

Вячеслав Боярский

*У каждого столько прекрасной одежды,
Есть брюки, рубашки, носки и трусы,
Есть галстуки цвета весенней надежды,
Изящные запонки цвета росы.*

*В гареме прохладно и сладостный запах,
В гареме так медленно время идёт,
И ходят рубашки на мягких лапах,
И евнух-пиджак охраняет вход.*

В гарем проберёшься, лелея надежды
на лилии в капельках нежной росы,
и в рай попадешь, где порхают одежды,
кальсоны, подтяжки, набрюшник, трусы.

Подштанники хлопнешь по розовой попке,
оттянешь футболки лихой вороток
и так возбудишься от тоненькой штопки,
что вдруг поцелуешь курносый носок.

А ноздри щекочет дурман нафталина,
Шекспир надрывается – быть иль не быть?
Невинностью манит прохлада поплина
и шёлк зазывает с платком согрешить.

И Стенька, цитируя смачно Эразма,
проблему поэтики ставит ребром,
покуда поэт, доходя до оргазма,
в шкафу копошится, ну, этим... пером.

Ольга Бурова

*Медленно съешь полутон оптимизма.
Сонно фиксируя краски толпы.
Вот и моя засветилась харизма
Меж новостроек, где жажда и пыль.*

*Что ж, удовольствуюсь просто уходом,
Ведь эротичнее вид со спины.*

Медленно ешь полустон пофигизма,
не торопись – это всё же не блиц.
Видишь, моя засветилась харизма
тайною складочки меж ягодиц.

Только не думай, мол, было да сплыло,
и не надейся свалить втихаря.
Так ведь простудишься – с жару да с пылу,
не застегнувшись в метель января.

Мало ли что поломалось, протухло,
сгнило, прогоркло, невзрачно на вид,
заплесневело, прокисло, пожухло?
Это проверить ещё предстоит.

Вдруг оживёт, затрепещет, воспрянет?
Я постараюсь – дай бог крутизны!

Вдруг тебя снова как прежде приманит
мой эротичный вид со спины.

Илана Вайсман

*Всё реже пользуюсь местоимением «мы».
Всё чаще пользуюсь местоимением «я».
Всё реже пользуюсь любимой запятой
Всё чаще – многоточие в конце...*

Нет больше никаких, увы, надежд,
всё реже пользуюсь любимой запятой.
Меня корит винительный падеж
и жжёт карман, как суффикс, золотой.

Мятеж мучительный души моей больной —
он пользуется меня, как Айболит.
Но что же это, господи, со мной?
Душа без запятой, как зуб, болит.

Всё реже междометнейший восторг.
Всё чаще многоточье на лице.
Фата... Фиалка... Неуместен торг...
Что мне сулит история в конце
предательства прекрасной запятой?
Стою я с междометьем на лице,
рыдаю над убитой красотой.

Борис Виктор

*Идут века. Харон бухает
Цепная лодка отдыхает.
В реке отсутствует зараза
(лишь от изделий №2
порой болела голова)...*

Который век весь мир бухает:
глотнув на выдохе, вдыхает,
блаженно нюхает рукав,
сгибая локтевой сустав.
Харону жажда сушит глотку.
Он лодку перегнал на водку
и прёт, как к нересту плотва,
толпой изделье №2.
Лови на закуску – не халва,
но всё ж солидней рукава.

Елена Виноградова

*Их осталось только тридцать
Верных родине донныне,
Где хлебов почти не сеют,
Где земля рожать устала...
Журавлиный клин редееет.
Что с тобой, Россия, стало?!*

Их осталось ничего-то,
а когда-то было много.
Даже думать неохота,
где окончится дорога.
Они были величавы,
травоядны и смиренны —
жалко, правда, не курчавы,
но и не обыкновенны.
Нравы наши измельчали,
души наши обмелели.
Хорошо было вначале.
Что ж мы – вовсе одурели?
Они только в зоопарке —
в лепрозории свободы.
Извели их по запарке
мы – моральные уроды.
Вот ужо придёт Мессия —
не покажется нам мало!

Родина слонов Россия,
что с тобой, Россия, стало?

Александр Габриэль

1

*Вакантно. На душе поют ваганты
про власть вина, про глупый политес;
про то, как дистрофичные Атланты
страдают недержанием небес*

*Вакантно. Вместо Гегеля и Канта
в душе – сквозняк и тонны цепухи.
И в стены слепо тычутся стихи —
ублюдочные отпрыски таланта.*

Галантно. В телевизоре гаранты
токуют, наплевав на политес,
и мэтров безразмерные таланты
страдают недержаньем поэтесс.
Сосиски силиконовые, как сиськи,
а цены блин как на «Мадам Клико»...
Всё как всегда – нормально, по-русски:
хрен под рукой, а локоть далеко.

Зато вакантно! Дремлют Росинанты
и буцефалов бродят табуны,
ублюдочные отпрыски таланта
стихами в стены тыкать не должны.
Бери коня и музочку в борделе,
строчи строкой, как Анкин пулемёт...

Да не тяни! Ну, что ты, в самом деле?
Вакантно место. Вдруг другой придёт?

2

*Глокает таблетки старик Козлодоев
распухла простата. Намокла постель.
Проблемы со зреньем, проблемы со слухом
и запоминанием начатых фраз...
А где-то Голицын не падает духом,
в кустах убажывая по дюжине враз.*

Нога заплеталась за ногу другую,
а, может быть, ту... ну, что та, да не та —
старик Козлодоев, на коз негодуя,
простату лечил, что в боях нажита.
В ночи надрывался поручик Голицын,
корнет Оболенский ему подвывал.
По дюжине к ним прилетали девицы
в подвал, на чердак и на сеновал.
Потел Козлодоев, как вербные почки,
но не распускался, хоть тресни, хоть плачь.
Он камни вытаскивал пальцем из почки.
При помощи клизмы имел его врач.
Как яйцами, китель звенел орденами:
сдавай караул, то есть презерватив.
Лежал Козлодоев, в штаны, будто в знамя,
вцепившись и горестно их приспустив.
А яблочко-песня на фрейлахс сбивалась,
а кони скакали в тудыть-перемать.

Лежал Козлодоев... А что оставалось,
пока не велели штаны поднимать?

Ираида Вовненко

*отброшенная единица белья...
завладение ногой в дорогом педикюре...*

Овладеет он ногою,
а потом ногой другою,
а потом её нагою
прочь отбросит от белья
своей собственной ногою,
прорычав ей: «Ты моя!».
Педикюра не снимая,
я скажу ему: «Не знаю.
Вы меня смутили прямо —
мне не разрешает мама.
Но вам страстно так хочется,
что нельзя не согласиться».

Татьяна Герасимова

Я тебя украду... Разреши! Хоть на миг

*Ты возьмёшь меня на руки и пронесёшь
Сквозь сады, что цветут белопенно,
И опустишь в траву... И желания дрожь
Пробежит вдруг... И вот над Вселенной
Наши стоны, в восторге сливаясь, летят!..*

Я тебя украду. В оргастический мир
унесу на руках – пусть фригидность судачит.
Это будет инжир и пломбир, мой кумир.
Хоть на миг! Только так! И никак не иначе!
Пусть, на нас поглядев, побледнеет луна
и, смутясь, покраснеет дневное светило,
пересохнет от страсти морская волна...
...Эка, я хорошо сочинила!

Марианна Гейде

*в воду звёздочки сигают
хрен поймашь хоть одну.
под крыльцом кольцом согнулись
или выгнулись дугой
беспороднейшие псы,
чешут голову ногой
или, ноздри раздувая,
гонят зайца головного
по коробке черепной:
бедный заяц головной.*

почешу башку ногою
поскребу другой по дну
мысли крúгом и дугою
хрен поймашь хоть одну
будто зайцы головные
звёзды в омут черепной
тараканы целевые
мозг щекочут шebutной
псы страдают без породы
как без запаха духи
с нетерпеньем ждут народы
моей милой чепухи
напишу что тут такого
пушкин кто передо мной

только зайца головного
жалко в клетке черепной

Сергей Гор

*...Ради суки, что так порочна
Весь в укусах, грязи и крови
Разорвал бы любого в клочья
За один лишь намёк о любви.*

*Эх, как жалко, что я не собака,
А приличный вполне человек.*

*Оттого не беснуюсь, не вою,
Если страстью натянет струну. И не пну ни
за что ногою
Нагло спящую в луже луну.*

Я бы тоже в согретости мрака
лез к жене под бочок в постель.
К сожалению, я собака,
а точнее сказать – кобель.

Я бы тоже кропал сонеты,
серенады пел по ночам,
на дуэлях стрелял поэтов,
предстающих её очам.

Просыпаюсь от жуткого звука —
благоверной храп до небес.
Эх, гонял бы я лучше суку —

ту, порочную, хвостика без.

А потом бы гонял за другою
и за третьей, и выл на луну...
Ах, как хочется пнуть ногою
нагло спящую рядом жену.

Павел Гольдин

*Нескромен и нескладен
Стареющий пишет.*

*Над ним смеются боги
И бабы на быке. Он пишет им эклоги
На птичьем языке:*

*хотел бы стать я никой
среди пальцев мраморных увы
крылатой и безликой
и чтоб не нужно головы*

Хотел бы стать Палладой,
Гомером, Фукидидом,
но чтоб башки не надо,
как всаднику Майн Рида.

Смеются надо мною —
мол, мелет языком —
ковбойки и ковбои,
и бабы под быком.

А мне б под чай с ватрушкой
да пожирней гусак...
Безбашенный я Пушкин,
безмозглый Пастернак.

А. Грабовский

*Как же жить нам теперь, оказаться ли рядом
в постели?...*

*Оттянуться бы влать, отгулять, отлюбить,
отмечтать...*

*Быть счастливыми мы не смогли (чья вина?...
не сумели)*

*А несчастьем твоим мне уж очень не хочется
стать.*

Вот и вечер прошёл – мы с тобою попили, поели...

Ты сыта или, может, ещё что-нибудь заказать?

Оттянуться б ещё – граммов двести, харчо и тефтели...

Но врачи не велят это зло перед сном потреблять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.